

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

В.А.Бердинских

**ГУЛАГ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА ПОДНЕВОЛЬНО-
ГО ТРУДА**

*Доклад на пленарном заседании
Международного симпозиума
«Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны»*

(Воркута, 17–19 октября 2013 г.)

Сыктывкар–Воркута 2013

УДК 94:343.819.7:331(47+57)

Бердинских В.А. ГУЛАГ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА. Доклад на пленарном заседании Международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар; Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 12 с.

В работе известного российского историка В.А.Бердинских рассмотрены идеология и экономика подневольного труда в советском ГУЛАГе. Показано формирование этой экономики, выявлены ее особенности, отмечены негативные последствия подневольного труда. Подневольный труд в ГУЛАГе сопоставлен с классическим рабством.

Научный редактор д.и.н. И.Л.Жеребцов

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), М.В. Таскаев (зам. председателя),
И.О. Васкул, Н.М. Игнатова, Л.А. Максимова, Д.И. Пинаевский,
М.Б. Рогачев

Рецензенты

д.и.н. В.И. Меньковский
д.и.н. В.И. Чупров

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

© В.А. Бердинских, 2013

© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013

ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ГУЛАГА

Массовое и масштабное использование подневольного труда заключенных практически во всех важнейших экономических проектах сталинской эпохи – явление закономерное. Террор власти по отношению к собственному народу и масштабная реконструкция экономики страны во всем многообразии строек (от утопических и разорительных – до жизненно необходимых) сделали переплетение в истории ГУЛАГа политической составляющей (идеологии) и собственно экономической – явлением сплавленно однородным.

Людей в духе новых социальных технологий превращали в «человеческий материал», винтики механизма строительства социализма. В НКВД понимали эту задачу в прямом репрессивном смысле – преобразование людей в заключенных. По мнению же советских вождей, уже на Беломорканале труд заключенных расширял свою функцию – от организации социального опыта до исправления социального опыта. Там декларировалось, что этот коллективный труд не только общественно полезный, но и жизненно важный для строительства социализма. Этот труд не просто репрессивный, но также искупительный – через репрессию приобщающий к великой идее построения социализма [1]. Такая риторика характерна лишь для начала развертывания лагерной системы 1930-х гг.

Идеология в ГУЛАГе, по верному замечанию Майкла Дэвида-Фокса, проявлялась прежде всего не как следование каким-то догмам марксистско-ленинской теории, а в менталитете гулаговских начальников всех уровней, их номенклатурно-бюрократической психологии временщиков. Решения же высшего сталинского руководства в этой области чаще всего жестко прагматичны, конкретно сиюминутны, импровизационны, затратны, удивительно бездушны и находятся вне норм христианской и гуманистической морали.

Условно можно выделить две основные задачи советской власти по отношению к заключенным. Первая – карательная, использование тяжелого физического труда как меры наказания. Вторая – экономическая, сделать систему мест заключения своеобразной экономической опорой режима, функционирующей на основе самоокупаемости и даже приносящей прибыль в бюджет.

Идеи массового использования труда заключенных для колонизации Русского Севера и Сибири звучали еще в 1920-е гг. Шли поиски новых подходов власти к использованию труда заключенных [2]. Востребованы и реализованы они лишь в 1930-е гг.

Предтечи ГУЛАГа: индустриализация и сплошная коллективизация – важнейшие элементы не только экономики, но, прежде всего, новой сталинской «социальной инженерии», попытки выковать из прежнего социально очень разнообразного общества единого советского человека с заданными властью параметрами. Создание такого однородного общества требовало не только периодического перемешивания всех классов и слоев, но и создания эффективной по переделке людей массовой системы мест заключения. Контекст эпохи (ее осязаемое время) – великие социальные эксперименты.

1929 год стал переломным не только для страны, но и для системы лагерей. 11 июля 1929 г. Совнарком принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», в котором поручил ОГПУ «расширить существующие лагеря и организовать новые в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других труднодоступных районах ... с целью колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы» [3]. Это постановление определило развитие системы лагерей в стране на десятилетия вперед. Заключенных следовало отправлять в те регионы, куда свободные работники ехать не хотели и определять на те работы, которых последние избегали.

Идеологически – ставилась задача перевоспитания тяжелым трудом всех политически опасных, социально-вредных элементов общества. Они должны были либо погибнуть, либо стать частью всего трудового народа страны. Именно так в 1929–1931 гг. в Советском Союзе создается сеть исправительно-трудовых лагерей подневольного труда.

Для руководства страны главная ценность заключенных в том, что это мобильная и дешевая рабочая сила. На самом деле дешевизна труда заключенных – иллюзия. Но в 1930-е гг. лагеря и колонии ГУЛАГа органично вписаны в систему экстенсивной советской экономики и ориентированы на главные антирыночные принципы последней: тотальное директивное планирование, внеэкономические методы принуждения к труду, уравнительное распределение благ.

Но в 1930-е – начале 1950-х гг. осуществление массовых репрессий против народа своей страны приобрело в СССР отлаженную технологичность, и ГУЛАГ стал важным орудием сталинского режима для решения любых политических, экономических, социальных задач. Под удар попадают целые слои и группы общества (в том числе и социально близкие). Законодательство, пытаясь «накормить» ГУЛАГ и обеспечить регулярное и планомерно ритмичное поступление сотен тысяч заключенных в лагеря, изобретает все новые карательные санкции. Чем ближе к социализму – тем острее классовая борьба. Такой тезис Сталина оправдывал любые репрессии. Сталинский режим власти невозможен и немислим без ГУЛАГа.

ОСОБЕННОСТИ «ГУЛАГИЗАЦИИ» СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Но труд, лишенный экономических стимулов, малоэффективен и низкопроизводителен. Парадокс, но при возведении всех гигантов советской промышленности (автомобильные, тракторные, металлургические заводы, ГЭС), с одной стороны, использовался самый передовой опыт западных технологий (американский, германский...), а с другой – применялись доиндустриальные формы организации строительства, включая подневольный (по сути рабский) труд заключенных. Тяжелый физический труд и самые примитивные орудия труда: тачка, лопата, топор...

Таким образом, советская пропаганда о социализме как высшем по сравнению с капитализмом обществе и реальный труд заключенных никак не совмещались в одной плоскости и действовали в разных мирах. Марксистская идейная риторика и прагматические решения советских вождей также не зависели друг от друга. Отсюда абсур-

дистская логика многих действий власти и мир жизни ГУЛАГа как мир образов Оруэлла.

И все же следует признать: в краткосрочной перспективе труд заключенных позволял власти в 1930-е гг. решать многие экономические задачи, хотя и с огромными издержками и колоссальными людскими потерями. В долгосрочной перспективе он создавал огромные, часто нерешаемые проблемы: экологические, внутривластные, гуманитарные.

Экономическая деятельность НКВД с конца 1930-х гг. приобретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. Увеличивается население ГУЛАГа, заметно удлиняются сроки наказания. Если в 1936 г. в стране 13 крупных лагерных комплексов с объемом работ 1,3 млрд. руб., то в 1938 г. уже весной 1938 г. их стало 33 с объемом работ 2,6 млрд. руб. Уже к 1939 г. ГУЛАГ обеспечивал 13% всех лесозаготовок страны [4]. Предприятия ГУЛАГа нацелены на стратегически важные отрасли промышленности: добычу золота, алмазов, цветных и редких металлов (никель, хром, олово, кобальт, медь), ключевые стройки в старых городах, масштабные гидропроекты (нередко помпезно бесполезные и чисто имиджевые). Так, добыча золота выросла в 1938 г. по сравнению с 1936 г. практически в два раза (до 62 008 кг) [5]. Словом ГУЛАГ стал гигантским строительным комбинатом, который строил, добывал, конструировал, прокладывал.

К 1940 г. лагерно-производственная система охватывала не менее 20 отраслей промышленности, среди которых ведущими были цветная промышленность (32,1% всей лагерной товарной продукции), лесозаготовка (16,3) и топливная промышленность (4,5%). Важнейший элемент лагерной системы – капитальное строительство. К 1940 г. на долю НКВД пришлось 11% всех капитальных вложений Советского Союза [6].

В предвоенный период в стране сформирован ряд лагерно-производственных комплексов, которым отданы огромные земли малоосвоенных регионов. На Колыме хозяйничал Дальневосточный комбинат НКВД, на Печоре и Ухте – Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии – Беломоро-Балтийский комбинат НКВД и т.д. Перед войной на основе производственных отделов ГУЛАГа создаются в качестве самостоятельных структур несколько Главных управлений лагерей:

лесной промышленности, железнодорожного строительства, горно-металлургической промышленности, промышленного строительства, шоссеиных дорог и др.

Цена промышленных достижений ГУЛАГа абсолютно антигуманна – это запланированная гибель миллионов людей. Так, в 1941–1945 гг. в лагерях ГУЛАГа по официальной статистике умерло более 1 млн. чел. (в основном от дистрофии). Лишь две трети заключенных в состоянии тогда как-то работать на производстве [7].

После войны в результате усиления репрессий число заключенных быстро растет. НКВД (затем МВД) выделяет большое количество «рабсилы» различным наркоматам, а также вплоть до смерти Сталина наращивает собственную хозяйственную деятельность. На 1 января 1949 г. в системе МВД 67 самостоятельных ИТЛ с почти 30 тыс. лаг-отделений и лагпунктов и 1 734 колонии. В них – 2 356 685 заключенных, из них трудоспособных – 83,3%. Более половины (55,8%) – молодые люди от 17 до 30 лет, почти четверть (22,1%) – женщины. Кроме того, на учете и использовании МВД находились более 2 550 000 спецпоселенцев, а в системе ГУПВИ около 1 млн. военнопленных и интернированных [8].

Хотя относительные показатели промышленной продукции МВД были не так уж значительны (в 1952 г. в оптовых ценах предприятий лишь 2,3% объема промышленного производства страны), но по целому ряду важнейших направлений МВД занимало лидирующее или даже монопольное положение. Так, в 1946 г. в ведение МВД передана вся золотоплатиновая промышленность страны (добыча 1949 г. – 111 900 кг), а затем также добыча алмазов, кобальта, апатитов... В 1952 г. МВД обеспечивало производство 70% олова и трети никеля [9]. ГУЛАГ стал мощной политической и экономической опорой сталинского режима власти в период модернизационного рывка. Но одновременно это и камень на ногах советской промышленности.

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА

Во всей истории ГУЛАГа важной, но не решаемой для руководства задачей был выход лагерей на самоокупаемость. Так, в докладной министра внутренних дел С. Круглова на имя Л.П. Берия от 9 октября 1950 г. говорилось, что стоимость содержания одного заключенного выше среднего заработка вольнонаемного рабочего. В этих условиях начальство лагерей удлиняло рабочий день и увеличивало нормы выработки на человека [10].

Именно возможность сверхэксплуатации узников была для начальства главным «преимуществом» лагерного производства. Но это была сиюминутная выгода. Преждевременная гибель в ГУЛАГе миллионов человек, абсурдное расточение в каторжном труде сил и талантов, которые могли принести значительно большую пользу стране на свободе – существенно ослабляли трудовой потенциал страны.

Коренные недостатки лагерной экономики таковы.

1) Особые условия лагерного производства (повышенная секретность и бесконтрольность) способствовали массовым припискам и ложным отчетам даже в большей мере, чем это было присуще всей советской экономической системе. ГУЛАГ и вольная экономика страны – это система сообщающихся сосудов, где работали одни принципы жизни. Многие стройки НКВД-МВД финансировались без смет и проектов – по «фактическим расходам».

Воспоминания узников лагерей говорят о том, как упорно в лагерях стремились «зарядить туфту» – сделать работу лишь для видимости, некачественно, представить ложный отчет о выполнении плана. Система приписок пронизывала всю жизнь ГУЛАГа сверху донизу, в ней кровно заинтересованы и заключенные, и лагерный менеджмент. Последние, желая скрыть растраты, незаконные премии, невыполнение плана, сознательно шли на массовые приписки. А заключенные хотели получить полный паек и досрочное освобождение.

2) Хищнически использовались природные ресурсы. Разрабатывались короткое время лишь самые богатые участки. Психология временщиков. Показуха. Важно лишь то, что здесь и сейчас, а потом хоть трава не расти. В тех регионах, где имелись лагеря, они часто оставляли тяжелые экологические проблемы. Предприятия строились без очистных сооружений и отравляли отходами реки и почвы. Каналы и

ГЭС ГУЛАГа изымали из оборота лучшие земли России и негативно влияли на окружающую среду. Искусственные моря губили речную фауну и заболачивали окрестности. Вырубались самые ценные леса, при этом половина древесины уходила на дрова.

3) Производственная сфера ГУЛАГа, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, отторгала технический прогресс. Любые проблемы пытались решать наращиванием применения физического труда. Намного хуже использовали в лагерях (чем в такого рода свободных отраслях) любую технику, машины, механизмы. Когда после войны в лагеря завезли современное трофейное оборудование, оно в основном осталось невостребованным. В заключении Госбанка страны по отчету ГУЛАГа за 1939 год указывалось, что строительные механизмы использовались в лагерях в 3 раза хуже, чем на таких объектах гражданской промышленности [11].

4) Лагерное производство в целом разорительно для экономики. Так, себестоимость гулаговской продукции была существенно выше аналогичной по стране. Например, в 1951 г. себестоимость тысячи штук кирпича в лагере Красноярского края составила 631 руб. (при плане в 250 руб.), в местной промышленности этого края – 210 руб. [12]. Советское железнодорожное строительство – яркий пример расточительности сталинской системы, особенно при использовании подневольного труда. Яркий пример – заброшенная в Заполярье за ненадобностью дорога Чум–Салехард–Игарка, на которую было потрачено 3,3 млрд. руб., а также жизни многих тысяч человек [13].

5) ГУЛАГ с его «дешевой рабочей силой» оказывал разлагающее воздействие на те секторы советской экономики, которые базировались на вольнонаемном труде. Министерства и ведомства были не заинтересованы в техническом прогрессе и предпочитали решать свои проблемы за счет «нарядов» на подневольную «рабсилу», а это тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры.

Таким образом, хотя удельный вес подневольных работников в общем балансе страны был не так велик (11% от всех занятых в промышленности и строительстве), но подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования [14]. Он существенно сдерживал ее развитие.

КЛАССИЧЕСКОЕ РАБСТВО И ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД В ГУЛАГЕ

Системный кризис гулаговской империи связан с неприемлемостью в середине XX в. классического типа рабства, ненужностью и бессмысленностью, отрицательной результативностью применения в огромных масштабах грубого физического труда, прежде всего труда заключенных.

В условиях сталинского режима любой гражданин (от дворника до министра) мог в любой момент стать рабом государства, внезапно лишиться всех прав, имущества, жилья, репутации – и быть брошенным на лесоповал или в рудники. Непредсказуемость и неожиданность сталинских репрессий действительно парализовывали мышление и волю всех слоев советского общества – то, в чем нет внутренней логики, понять невозможно.

В отличие от античного раба советский заключенный формально бесплатен: он взялся «ниоткуда» – из общества, где НКВД–МВД–МГБ могли набирать в рабский «контингент» кого угодно и сколько угодно. Поэтому стоимость заключенного есть цена его физической силы. Но государство, торгуя собственными гражданами в царстве «плановой экономики», тем самым ставит себя вне этического и правового пространства. А ведь и в эпоху античности рабы стоили довольно дорого. Так что покупка раба являлась серьезным вложением капитала, что предопределяло и соответствующее отношение владельца к «живому товару» – к нему относились, во всяком случае, не хуже, чем к скотине...

Рабство XX века стало явлением экономически гораздо более отсталым, чем античное рабство. Сталинское государство безнадежно «продешевило», исключив товарно-денежные отношения из системы реально существовавшей латентной работорговли.

Подготовив высококвалифицированную «рабсилу», оно использовало ее в лагерной хозяйственной системе крайне примитивно и узко функционально: «человек-пила», «человек-тачка», «человек-топор». Мы видим здесь попытку интенсивной физической нагрузкой «до дна» и в короткий срок «вычерпать» всю жизненную энергию человека – своего рода «социальный вампиризм».

В ГУЛАГовской «империи» и ее «провинциях» господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков: «здесь и

сейчас, а там – хоть потоп». Эти особенности политики и практики ГУЛАГа очень умело использовал уголовный мир, приспособившийся к системе лагерей и сосуществовавший с ней в симбиозе.

В определенном смысле слова хозяйственная система ГУЛАГа, теоретически основанная на социалистических идеях и принципах, воплощалась на практике в формах и методах, присущих временам патриархального рабства. В конечном же счете именно эти формы и методы стали стержнем, основой и сутью лагерной «экономики».

Источники и литература

1. Беломоро-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. 1931–1934. М., 1934; Репринт, 1998.
2. Дзержинский Ф.Э. О революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1.
3. Административный вестник. 1929. № 9. С. 56–57.
4. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.: МОПЧ; СПб.: Норма, 1998. 176 с. С. 31; Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 67–89. С. 71.
5. Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 103, 130.
6. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.: МОПЧ; СПб., 1998. С. 31; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Под. ред. И.В. Добровольского. Франкфурт-на-Майне; М., 1999. С. 45.
7. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 56–61.
8. Главное управление лагерей. 1918–1960 гг. М., 2000. С. 281; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.: МОПЧ; СПб., 1998. С. 32.
9. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 2. Д. 428. Л. 10; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 52. Л. 24.
10. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3: Экономика Гулага; Экономика принудительного труда. С. 84.
11. Экономика принудительного труда. С. 85.
12. Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. С. 131.
13. Еланцева О.П. БАМ: Первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 102; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 гг. С. 182–184.
14. Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2001. Т. 2; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3: Экономика Гулага. С. 482–484, 590.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Идеология и экономика в период формирования ГУЛАГа	3
Особенности «гулагизации» советской экономики	5
Негативные последствия подневольного труда	8
Классическое рабство и подневольный труд в ГУЛАГе	10
Источники и литература	11